

Оглавление

Пролог	5
От автора	7
Введение	11
Глава 1. Сердце не камень (каменный век)....	20
FAQ: Что такое археология?	40
Глава 2. Солнечный круг, море вокруг (кикладская культура).....	46
FAQ: Кто был первым археологом?.....	56
Глава 3. Танцуют все (минойская цивилизация).....	64
FAQ: Что значит «археология не сводится к раскопкам»?	78
Глава 4. И целого моря мало (микенская цивилизация)	83
FAQ: Как датируются археологические находки?	94
Глава 5. Давно, это было давно (темные века).....	99
FAQ: Почему в археологии столько споров?	107

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 6. Кручу, верчу (геометрический период)	113
FAQ: Делали ли древние греки то или это?	
О чем не стоит спрашивать историков	123
Глава 7. Больше огня (период архаики).....	127
FAQ: Зачем столько терминологии?	153
Глава 8. Сегодня ты, а завтра я (греко-персидские войны).....	162
FAQ: Как города и предметы оказываются так глубоко под землей?	169
Глава 9. Дни славы (классический период)..	173
FAQ: Какие находки при раскопках наиболее важны?.....	215
Глава 10. Как беззаконная комета в кругу расчерченном светил (Александр Македонский).....	219
FAQ: Почему в мифологии такой беспорядок?.....	230
Глава 11. Новое — хорошо забытое старое (Эллинистический период)	233
FAQ: Была ли у античности темная сторона?.....	250
Глава 12. Убей меня нежно (Римский период).....	257
Эпилог	270

Пролог

Археология не уместится в лифте, но ей хватит места в нашем воображении.

Археология как дисциплина — относительно недавний продукт эпохи модерна, но у человека есть постоянная, врожденная потребность представлять себе прошлое. При этом нормы научного знания XIX века не только сформировали археологию, но и обрекли ее на монотонный стереотип. Нечто похожее произошло и с филологией — с той разницей, что археологи работают на свежем воздухе.

Не будем забывать, что было потом. Скрупулезность, туманный слог, охота за сокровищами и многочисленные истории древних народов: греков, египтян, китайцев, тайцев, турок, мексиканцев... Все народы ожидали, что археология докажет их древность и покажет, насколько славная у них история. И все это в то время, когда на сцену вышла поп-культура, которая интернационализовала мечту антиквара. Когда двадцатый век подошел к концу, Индиана Джонс боролся за внимание зрителей с Ларой Крофт, а мы в Греции были вынуждены противостоять собственному «синдрому Вергины», ошеломленные раз-

нообразием археологической реальности, которая, как ни парадоксально, еще живет и здравствует.

Автор книги Теодор Папакостас помогает нам сделать то, на что мы до сих пор не решались. Будучи специалистом-археологом с завидными профессиональными достижениями, он дополняет свой предмет эмоциями и подходами, характерными для поп-культуры. Он не стесняется игриво и легкомысленно исследовать прошлое и роль, которую мы отводим прошлому в своей жизни. И приглашает нас присоединиться к нему в этой атаке на почтенные научные «измы» и авторитеты.

Мастер захватывающих рассказов, известный под ником Archaeostoryteller (Археорассказчик), Папакостас подходит к той археологии, которую преподают в школах и университетах, с глубокими познаниями и пытливым, открытым умом. Он объясняет и учит, не теряя чувства юмора.

Так он раскрывает ареал существования и разнообразие археологии — не только греческой — как читателю-неспециалисту, так и «экспертам».

Пожалуй, античность, о которой рассказывает Archaeostoryteller, не поместится в лифте, но ей точно найдется место в воображении и, что немаловажно, в сердце.

*Профессор Димитрис Планцос,
Афинский национальный университет
имени Каподистрии*

От автора

Время — играющий ребенок.
Ребенок правит этим миром.

Гераклит

Эта книга преследует двойную цель: она знакомит широкую публику с античной Грецией быстро, просто и с удовольствием, не требуя специальных знаний, и отвечает на распространенные вопросы об археологии — научной дисциплине, которая, будучи неотъемлемой частью повседневной жизни, остается для многих загадкой. Она выросла из проекта Archaeostoryteller в социальных сетях, целью которого была популяризация археологических знаний. Читатель проделает путешествие по античной Греции от темных глубин доисторического периода до эпохи, которая, по общему мнению, положила конец античному миру. При этом я стараюсь избегать научного жаргона и терминов, которые могут отпугнуть читателя-неспециалиста. Тот, кто дочитает книгу, будет знать базовые характеристики всех основных периодов греческой античности и унесет с собой полную картину, в рамках которой сможет находить и осмыслять новую информацию.

Каждая глава посвящена отдельному периоду, а после нее дается ответ на один из распространенных вопросов, касающихся археологии. Вопрос

сы я взял из обсуждений с подписчиками блога Archaeostoryteller. Периодизация античности — дело непростое. В книге я решил использовать наиболее распространенную и общепризнанную периодизацию. По стечению обстоятельств в результате появилось двенадцать глав, по числу олимпийцев в греческом пантеоне. Название книги заставляет спросить, можно ли уместить всю Древнюю Грецию в лифте. Предоставляю читателю самому найти ответ на этот вопрос. Для меня, конечно, было непросто уместить ее на страницах книги. Трудно было решить, что выбрать, а что пропустить. В конце концов, неважно, говорим ли мы о книгах, лифтах или чем-то другом. Надеюсь, что суть моих рассуждений западет читателям в душу и останется с ними навсегда. Хочу прояснить одну вещь, потому что предвижу неизбежные вопросы, почему я не включил то-то, то-то и то-то. Охватить все невозможно. Я говорю это заранее и надеюсь, что вы примете это к сведению, так как если вы зададите этот вопрос снова, я дам такой же ответ.

Я благодарю всех моих коллег в Археологической службе Килкиса, где я работал, пока писал эту книгу. В частности, я благодарю директора Георгию Стратули, моего непосредственного руководителя Нектариоса Пулакакиса, а также Марию Фармаки, Стаматиса Чадзитулуси и Магду Пархариду. Я также благодарю своих бывших коллег из Археологического музея в Салониках, где мне посчастливилось многому научиться на заре карьеры; коллег во всей Греции, на Крите, в Этолии и Акарнании, Лаконии, Превезе, Абдерах и других местах, которые с таким энтузиазмом поддерживали проект Archaeostoryteller, включая коллег из Национального археологического музея

и Эфората древностей Пирея и островов; преподавателей археологии, которые оказали мне честь, пригласив меня на свои занятия, — Эвридику Кефалиду и Марлен Мулиу из Афинского национального университета имени Каподистрии, Александру Александриду и Клеопатру Катариу из университета Янины, а также Ставроса Влизоса из Ионического университета. Я также благодарю всех коллег (к сожалению, их слишком много, чтобы назвать всех поименно) в Археологической службе и не только, которые делились со мной своими соображениями, давали обратную связь и поддерживали меня во время работы над проектом Archaeostoryteller. Получать помощь от коллег и пользоваться их поддержкой поистине замечательно. Я хочу, чтобы они все знали, как они вдохновляли меня и продолжают вдохновлять. Я благодарю Василики Плиацику и Костаса Пасхалидеса за дружбу, выросшую из споров в социальных сетях! Благодарю Тассоса Бекиариса, который помог мне своими глубокими познаниями в области предыстории. Благодарю Стилиану Галиники и Тассулу Димулу за кофе, беседы и неизменную поддержку. Благодарю Василиса Диму, который стал моим товарищем еще в начале века, когда мы вместе учились в Англии, и был незаменим в роли придирчивого читателя рукописи. Я до сих пор помню, как отправил первую версию этого текста — в то время он имел форму монолога — Димитрису Планцосу, преподавателю классической археологии в Афинском национальном университете имени Каподистрии, чей мудрый совет изменил весь облик книги. «Почему бы вам не написать диалог?» — спросил он, и, конечно же, именно так я и поступил. За это я глубоко признателен, как

и за всю конструктивную критику, начиная с первых шагов проекта Archaeostoryteller. Теперь я должен, как полагается, оговориться, что за все ошибки и неточности ответственен исключительно я, а не те, кто щедро меня консультировали. И я действительно так думаю! И конечно, спасибо тебе, мама! Спасибо, тетя!

Я благодарю всю афинскую команду TEDx, которая поверила в меня еще до того, как я осознал, к чему идет дело. А также — терпение, я почти закончил! — я благодарю Иоанниса, Гиоргоса, Вилли, Димитриса, Еву, Лазароса, Элени, Христоса, Христину, Гиоргоса, Александра, Софию и Джерри.

В заключение я хочу от всей души поблагодарить своего агента Эвангелию Авлонити, которая верила в меня с самого начала и всегда поддерживала. Я также хочу выразить свое восхищение и благодарность замечательной команде Key Books и HarperCollins UK, которые отдали все силы работе над книгой, поверив в нее и в идеи, которые в ней отстаиваются. И конечно, я никогда не забуду Лиану Стефани, бывшего директора Археологического музея Салоник, которая так безвременно ушла из этой жизни в канун Рождества. С 2007 года, когда я впервые встретил ее, и до 2019-го она была моим самым верным другом и настоящим примером дотошной учености и этичного поведения. Начиная проект по популяризации археологии, я публиковался под именем Теодора Папакостаса. Лиана единственная сказала: «Выберите псевдоним, так будет лучше». И она была права. Так я стал Археорассказчиком.

Введение

Мы стояли бок о бок в лифте, двое незнакомцев, когда он вдруг посмотрел на меня и, широко раскрыв глаза, взволнованно воскликнул:

— Все течет!

Сцена была сюрреалистичная. Нечасто услышишь подобные фразы от незнакомых людей, тем более в лифте.

Все началось с неожиданного, но совершенно обыденного поворота событий: лифт резко остановился — мы застряли.

Причин для паники не было. Лифт был большой, современный, весь из стекла, какой можно встретить в первоклассных торговых центрах; когда он начинает подниматься вместе с тобой, сердце подпрыгивает, как у ребенка, но ты уже взрослый, поэтому стараешься сохранять невозмутимость.

Сквозь стеклянные стены атриум торгового центра был как на ладони: солнце освещало клумбы с фикусами и папоротниками, из колонок лилась фоновая музыка. Повторюсь: в лифте я был не один — у меня была компания. Передо мной стоял парень, на которого я едва взглянул, когда заходил в лифт. Теперь он смо-

трел на меня со спокойным, но несколько озадаченным выражением лица. Перекинувшись парой слов, мы сразу же взялись за телефоны и вызвали помощь. Теперь оставалось только коротать время за разговором. Мы оба представились, и он спросил, кем я работаю.

— Я археолог.

— *Археолог? Здорово! Я когда-то хотел стать археологом, даже прослушал курс археологии в универе, но потом решил заняться чем-то более практичным, понимаете? К сожалению, я ничего не помню о классике; так, кое-что про Перикла, Сократа и олимпийских богов. А, еще та фраза, которая была популярна у древних... Как там? — Он задумался, приложив руку ко лбу, и наконец воскликнул с довольной улыбкой: — Все течет!*

— Строго говоря, нельзя утверждать, что в древности кто-то так говорил или обнародовал это изображение. Это афоризм древнего философа Гераклита. Более того, это не точная передача его слов, а скорее формулировка, с помощью которой Платон решил подытожить философию Гераклита. Во всяком случае, в качестве максимы она умна и лаконична.

Он уставился на меня так, будто пытался вычислить, насколько я адекватен. И, решив, вероятно, что на это не стоит тратить силы, прервал неловкое молчание:

— *Древние умели обращаться со словом, правда? Умели завернуть умно и пронизательно.*

— Ну, я бы не сказал, что их высказывания были так уж пронизательны. Просто многие их фразы вошли в историю, и все.

— *У вас какая любимая?*

— Хм... Не думаю, что у меня есть любимая. Но на меня всегда производило впечатление одно высказывание Гераклита.

— *Того, который сказал «все течет»?*

— Именно. У него был еще один афоризм, который звучит примерно так: Ὅμηρος ἄξιός ἐκ τῶν ἀγώνων ἐκβάλλεσθαι καὶ ῥαλίξεσθαι καὶ Ἀρχίλοχος ὁμοίως.

— *Для меня древнегреческий — настоящая китайская грамота. Вы ведь не думали, что я пойму?*

Справедливое замечание, ничего не скажешь. Я перевел:

— Здесь говорится: «Гомер заслуживает того, чтобы его выгнали с состязаний и высекли, да и Архилох тоже».

— *И все? Какая-то чушь. А еще философ!*

Тем не менее в глазах моего собеседника промелькнуло любопытство.

— Это не чушь.

— *Ладно, не чушь! Но это не та фраза, которую я бы себе набил, если вы понимаете, о чем я! Я думал, это будет что-то умное и глубокомысленное.*

— Это и есть глубокомысленно, потому что Гераклит предлагал иной взгляд на мир. Он указывал, что мы не должны бессознательно восхищаться знаменитостями, известными личностями и теми, кого все хвалят, просто потому, что нас научили так делать родители, бабушки и дедушки.

Я подозревал, что на этом наша дискуссия, скорее всего, закончится.

— *То есть этот тип пытался сказать, что Гомер недостойн уважения? Вы к этому клоните? Муть какая-то.*

Я мог бы промолчать, но у меня есть эта черта — я не в силах перестать говорить о своей работе и о своем научном предмете. А уж если меня кто-то подкалывает, выражая убежденность в чем-то, с чем я не согласен, меня словно охватывает какой-то зуд. (Не забыть обсудить это с психотерапевтом.)

— То, что на самом деле сказал этот... тип, можно понимать по-разному. Я всего лишь предлагаю свою интерпретацию. Гераклит считал, что в тех, кому мы поклоняемся, не все действительно достойно благоговения и уважения; что наследие, оставленное предками, которому мы слепо воздаем дань уважения, потому что нас так научили, может быть неоднозначным. В более широком смысле он выступал против слепой веры в авторитеты. Он осмелился высказать иную точку зрения и оспорить культ величайшего поэта греческого мира, а может быть, и всей планеты.

— *Оки-доки. — Мой собеседник скептически поднял брови. — Допустим, я знаю, кто такой Гомер, но я ничего не знаю о втором — об Архилохе.*

— Архилох был лирическим поэтом. Его любимым жанром была эротическая поэзия.

— *Эти сентиментальные романтические штучки? — ухмыльнулся он.*

— Нет, ничего сентиментального. Я говорю об эротике, об обычной эротической поэзии. — Видя, что теперь его внимание полностью сосредоточено на мне, я продолжал: — К сожалению, ни одно из действительно «пикантных» стихотворений Архилоха не сохранилось. Он был уроженцем острова Парос.

— *Что значит «лирический»?*

— Не цепляйтесь за это слово. Так называли стихи, которые сопровождались игрой на лире и не рас-

сказывали о славных деяниях прошлого, в отличие от эпических песнопений Гомера. Лирическая поэзия запечатлевала повседневную жизнь тогдашних людей, подобно сегодняшней поп-музыке.

— *А, так он был музыкантом! Вы сказали, что он с Пароса? С райского острова? И писал эротические стихи? Прямо как Янис Париос или Бруно Марс¹, все про секс да про рай!*

— Полагаю, можно так сказать: Архилох был Бруно Марсом древности. Как бы то ни было, он предлагает мировоззрение, отличное от того, которое мы обычно ассоциируем с древностью. Однажды в бою, испугавшись за свою жизнь, он бросил щит и побежал. Он не только не стыдился своей трусости, но и написал о ней стихотворение.

— *Да ладно! Это стихотворение сохранилось?*

— Да.

— *И что в нем? Только можно без древнегреческого, — быстро добавил мой собеседник, пока я не успел выдать что-нибудь заумное.*

— Там говорится примерно следующее: «О враг, пользуйся моим щитом, который я бросил в кустах, когда повернулся к тебе спиной и быстро побежал прочь! Меня это нисколько не смущает. Моя жизнь в безопасности, и я всегда могу купить еще один щит».

— *Так просто бросил свой щит и ушел? Быть того не может! «С ним или на нем», — разве не так говорили древние? Не было ничего постыднее, чем проявить трусость!*

---

¹ Янис Париос — греческий лирический певец, исполнитель песен о любви. Бруно Марс — американский певец и автор песен. — *Прим. ред.*

— Эту фразу произносили спартанцы: «с ним или на нем», то есть со щитом или на щите, другими словами, «вернись с победой или вернись мертвым». Но только спартанцы, а вовсе не все греки. Кроме того, Архилох был в древности чрезвычайно популярен, хотя и обратил свою трусость в шутку. Вас не удивляет, что Гераклит ставит его рядом с Гомером?

— Эй, вы называете слишком много имен! Я в них путаюсь. Когда жили все эти люди? А еще такой вопрос: почему вы — археологи, историки и все, кто изучает классику, — все время придираетесь к мелочам? Конечно, время было славное и действительно важное — мы, греки, построили Парфенон, открыли философию и все такое, — но почему сейчас это должно нас волновать? Мне кажется, это просто какой-то пустой движ.

— Постойте! Не спешите отменять целую дисциплину! Археология необходима, друг мой.

— Ну и для чего? Какая от нее польза? — язвительно попытался он.

— Хороший вопрос. Отвечу. Представьте, что в одно прекрасное утро вы просыпаетесь и обнаруживаете, что потеряли память. Вы ничего не помните — кто ваши отец и мать, кто ваши бабушка и дедушка. Скорее всего, вы пойдете к врачу. Я прав?

— Да.

— Отлично. Предположим, что врач говорит вам: «Все в порядке, не волнуйтесь, это можно исправить», — и предлагает выбор. Первый вариант — пройти лечение, чтобы восстановить утраченные воспоминания, второй — согласиться с тем, что вы все забыли. Вам нужно только принять решение. Вы бы выбрали вернуть себе воспоминания о прошлом или отпустить их?

— Конечно, я хотел бы помнить!

— Почему?

— Потому что, приятель, хотя прошлое и не всегда приятно, и в идеальном мире мы не помнили бы все эти детские обиды, но для меня важно знать хотя бы главные события своей жизни. Кто те люди, которые дали мне жизнь, и те люди, которые дали жизнь им? Какими они были? Что хорошего мы пережили вместе? А как насчет моментов, когда мне нужна была помощь или я предлагал помощь кому-то другому? В конце концов, даже врачи говорят, что знать свое прошлое важно. Но это уже другой вопрос. Главное — мое прошлое определяет то, кем я являюсь сейчас.

— Вот именно! Поскольку вы решили восстановить воспоминания, утраченные тем утром, думаю, вы способны понять, что археология нужна нам всем по той же самой причине, — мы хотим знать, откуда мы, люди, произошли. Однако сохранение коллективной памяти происходит совершенно иначе, чем сохранение индивидуальной памяти. Тут-то и вступают в дело наука и образование. Они помогают понять, как мы пришли туда, где сейчас находимся. Они могут помочь нам узнать, можем ли мы успеть что-то изменить, чтобы спасти планету и себя!

— А какое мне дело до коллективного прошлого?

— Разве вы не часть сообщества? Хотите прожить жизнь, как робот, повторяя привычные действия? Или чувствуете потребность понимать мир, в котором живете, и формировать собственное мировоззрение? Если вы хотите жить, как машина, бездумно проживая день за днем — спать, просыпаться, есть, ходить на работу, снова и снова, как заводная игрушка, — это ваше право. Но достаточно ли этого для вас?